

АЛЕКСАНДР
ДУГИН



РУССКАЯ ВОЙНА

Александр Гельевич Дугин

Русская война

Серия «Политические тайны XXI века»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17309691
Русская война: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-87-9

Аннотация

Война против России – не сиюминутное историческое явление, возникающее в определенные периоды, но перманентное состояние нашего главного геополитического и онтологического врага – Запада, вся логика развития которого строится на сдерживании нашей страны или попытках покончить с Россией как цивилизационным явлением. На противостоянии России и Запада строится диалектика всей истории Европы с момента возникновения нашей государственности как таковой, будь то Русь Рюриковичей, романовская Россия, Советский Союз или неолиберальная РФ. Россия не приемлема для Запада в любых формах, а значит – война против России становится неизбежной, а параметры её ведения зависят от нашей готовности отразить агрессию. В условиях постмодерна и информационного общества война против России ведётся сетевым образом. Философские предпосылки войны и трансформация форм её ведения против

нас – об этом ведётся речь в новой книге Александра Дугина «Русская война».

Содержание

Предисловие	7
Метафизика войны	7
Мир как победа	10
Боги и духи войны: от горизонтали к вертикали	12
Сим победиши!	14
Русские и война	16
Часть 1. Философия войны	19
Введение. Мода на геополитику	19
Асимметрия	22
Тезис Запада – однополярный мир	22
Однополярность со знаком плюс или минус?	26
Многополярность	27
Россия как ядро потенциальной альтернативы	29
Различные аспекты асимметрии	30
Евразийство: асимметричная философия	32
Карл Шмитт: пять уроков для России	35
Урок 1: Политика, политика превыше всего	35
Урок 2: Пусть всегда будут враги, пусть всегда будут друзья	38
Урок 3: Политика «исключительных	42

обстоятельств» и решение
Конец ознакомительного фрагмента.

Александр Дугин

Русская война

© Дугин А.Г., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие Русская война

Метафизика войны

Война имеет глубинные онтологические корни. Она коренится в самом бытии. Более того, война даже в чем-то глубже, чем бытие, так как предшествует ему. *Бытие рождается из войны.* Это утверждал древний философ Гераклит, назвавший войну отцом вещей.

Если мы откроем Евангелие от Иоанна, то уже в первой главе в 5-м параграфе прочтем: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Это изначальная война света и тьмы. Она лежит в истоках бытия.

Война есть следствие того, что *одно отличается от другого*. Это отличие образует первую пару – жизни и смерти, света и тьмы, добра и зла, друга и врага, своих и чужих. Суть человека Достоевский определяет такими словами: «Здесь дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». В самих основаниях мира лежит война, как наиболее яркая, контрастная и отчетливая форма различения.

Из войны рождается космос. Ведь космос, в отличие от хаоса, состоит не из сплошной перетекающей сама в себя

массы, но из пар противоположностей: верх – низ, право – лево, до – после, внутри – вовне и т. д. Война, таким образом, есть *космогонический принцип*: рождение порядка из хаоса происходит через войну, это и есть война.

Если война – это различие, то обратным понятием должно быть слияние, полное слияние вплоть до неузнаваемости. Раз существует какая-то пара, то всегда в ней возможна война – как крайняя форма выражения того, что один член этой пары *не равен* другому. Если мы хотим исключить войну, мы должны исключить пару, склеить между собой противоположности, *упразднить различие*. Отсутствие войны может быть гарантировано только полной ликвидацией различий, то есть *без-различием*. Без-различие есть состояние первичной материи, которая еще не вступила в поле войны. Материя – альтернатива войны. Война – это дух.

Но мы видим, что в войне есть нечто глубоко болезненное, ненормальное... Кровавые струи, растерзанные искореженные сожженные тела, раскрытые черепа, обугленные конечности, разрушенные снарядами крыши, развороченные груды железа, бешеное неукротимое горе... Война исключительна, мы стремимся исключить ее. Что-то в нашем существе яростно отвергает ее. Но так ли мы уверены в *обоснованности* этого чувства? Может быть, антураж войны есть лишь типичные признаки родовых схваток: так из стонущего тела в муках рождается *дух*, новое существо, великое «Я» войны. А причина того, что нам больно, – это отголосок ма-

терии, разрываемой вторжением в нее *чего-то иного*. Так солнечный луч прорезает ночной мрак. Война – это утро, заря. Огонь ее ослепляет. Война – это солнце.

Те, кто знает войну, поймут, о чем мы здесь говорим. Это возможность посмотреть на войну не глазами задействованных ее мощью объектов, но глазами самой войны, глазами Ангела Войны. Плоть рвется, но из нее поднимается солнце души. И все переворачивается: падение становится взлетом, боль – наслаждением, расчленение – воссоединением, смерть – воскресением. Тленное тело разорвано, чтобы уступить место *телу славы*.

Мир как победа

Есть ли что-то, что было бы выше войны? Да, есть. Это – *мир*. Слово «мир» в русском языке имеет три совершенно разных значения, восходящих, однако, к одному и тому же древнеславянскому понятию, позднее разделившемуся. В дореформенной орфографии слова «миръ» и «міръ» писались отличным образом: первое означало «не войну», а второе – «космос». Значение «космос» сближалось также с понятием «крестьянская община». Но в истоках все три значения сводились к общему древнеславянскому концепту, в котором гармония, спокойствие виделись как главные свойства космоса, представленного, прежде всего, как космос человеческого общежития. *Мир есть космическая общность бытия без войны.*

Но тождественен ли мир в таком понимании материи, неразличению, хаотической сцепленности и склеенности всего со всем? Точно нет. Чтобы был мир как бытие без войны, *прежде* нужна война, а затем ее завершение, окончание. Мир следует за войной, а не предшествует ей. Мира без войны нет, чтобы был мир, до этого нужна война. Но... мир не есть возврат воюющих стихий в изначальное состояние неразделенности. Это нечто иное. *Мир есть кульминация войны*, ее апофеоз, предел ее духовного накала.

Мир есть там, где есть *победа*. А победа возможна толь-

ко в войне. Мир есть триумф. Он возникает там, где одно побеждает другое. Отсюда значение такого выражения, как Pax Romana. Pax Romana – это тот мир, которые римляне отвоевали в борьбе с врагами в ходе творения Империи. В этом римском мире нет войны только потому, что война уже выиграна. В нем *больше* нет войны, *уже* нет ее. *Победа в войне конституирует мир.*

Боги и духи войны: от горизонтали к вертикали

Древние греки имели две категории богов и богинь войны. Бог Арес (сражение) или богиня Эрис (вражда) олицетворяли войну как процесс, что-то неоконченное, не совершенное, уже вышедшее из нерасчленимой материи, но еще не ставшее в полной мере космосом. Темные аспекты таких богов войны происходят не из них самих, а из еще не преодоленной до конца довоенной, *предвоенной материальности*. Они темны и тревожны не потому, что в них расцветает пламя вражды, а потому, что они еще не до конца вступили в ее стихию; они шипят и дымят, как отсыревшие дрова. Это еще не полноценные воины – это ополчение, отягощенное попечениями материального непробужденного бездуховного бытия. Арес и Эрис влекут к пробуждению дух, но дух в них еще не до конца пробужден.

Своего апофеоза метафизика войны достигает в образе других богов – богини Афины Паллады и крылатой Ники. Афина – это богиня войны в ее чисто духовном измерении. Она есть начало принципиальной и раз и навсегда достигнутой *вечной победы*. Афина стоит над схваткой, так как всякое различие в ней преодолено, но не примирением сторон, а *победой* одной из них над другой, или, точнее, одной эйдетической цепочки над другой. Все то, что находится под

знаком света, солнца, неба, духа и бога и что билось против тьмы, холода, бездн, материи и титанических хтонических могуществ, одерживает победу. Двойственность не снимается, но *иерархизируется*. Боги ступают своими незапятнанными легкими подошвами на черепа поверженных титанов. Горизонталь Ареса и Эрис превращается в вертикаль Афины и Ники. Только это и следует называть «миром»: *вертикально организованный вдоль небесной оси космос*. Сверху – Небо и его властители; снизу земля, а под ней бездна, населенная поверженными могуществами мрака. Все это живет и дышит, движется, летает и копошится. Титаны всегда готовы к реваншу, стоит только богам ослабнуть. И поле битвы – сердце человека. Общество, земля, история.

Мы получаем три слоя бытия:

- Мир (Рах и Mundus) как победа.
- Война как различие – дух.
- Хаос как без-различие – материя.

Сим победиши!

Это не только эллинский или римский сценарий метафизики войны. Христианство видит мир сходным образом.

Небо и Спас в Силах на небесном троне – это именно победа, Хризма, «In hoc signo vinci!» св. Константина. Это – Христос-Вседержитель, Пантократор. *Победивший* смерть.

Война как история церкви земной, воюющей с могуществами мира сего.

Ад и бездна, илистое дно мироздания, где жизнь застывает в толще льда или сгорает в раскаленной жаровне ничто.

Поэтому христианин, всякий крещающийся во Христа, облакающийся во Христа – *воин* Христов. Он мобилизован на *мироустроительную войну*. У нее есть только одно завершение: победа. Мы не можем не вести ее. Ведь сказано Христом в Евангелии от Матфея (10:34): «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч». Меч необходим для войны; для чего же еще?!

Бытие есть бытие-в-войне. Поэтому между собой воюют Ангелы, звери, народы, державы, идеологии. Это страшно и трудно, но это наша судьба. И никуда мы от нее не уйдем. У нас нет выбора: воевать – не воевать. Выбор иной: победить или проиграть. Если мы отказываемся от войны, это может означать только одно: мы уже проиграли, и ступня победившего твердо покоится на нашем поверженном впечатанном

в грязь черепа.

Афина выше Ареса. Мирная небесная Церковь святых и мучеников выше земной и подверженной циклам истории. Но *путь к миру лежит только через войну*. Путь на небо – только через земные страдания. Кто не пострадает со Христом, не воскреснет с Ним и не вознесется к Отцу. Поэтому никому не дано избежать войны. Дано лишь победить или проиграть. Всё. И то не «дано», а позволено воевать, чтобы иметь возможность победы. Или хотя бы восстать.

Русские и война

Русские, как и практически все народы Земли, на протяжении всей своей истории непрерывно воевали. В каждой схватке нам бросали вызов. И каждый раз мы давали ответ. Или сами бросали вызов кому-то. Абсолютных побед на земле не бывает. Как и вечных границ или вечной дружбы. Рано или поздно все начинается снова.

Космос нельзя создать раз и навсегда, а потом успокоиться. Если бы это было так, то мир был бы механизмом. Если жизнь оставит в покое живого, живой умрет. Если дух перестанет волновать и мучать материю, материя оползнем соскользнет к собственной абсолютной нищете; ведь материя – это ничто, беднее ее нет. И даже если мир есть аппарат, то и он рано или поздно истлеет. У войны нет альтернативы: *либо война, либо война*. Одно из двух. Инерция не способна ничего создавать. Государство, народ, культура всегда вынуждены воевать за то, чтобы остаться собой, сохраниться. Но в ходе этой войны они меняются – растут, крепнут, зреют, сужаются, дряхлеют, изнашиваются. И аккорды войны измеряют время людей – от войны до войны. Мы живем именно так.

Русские не исключение; мы также живем войной. Но к войне разные народы относятся, в свою очередь, по-разному. Некоторые воюют и любят воевать. Они будто созданы для

войны. Но это не о нас. Русские воевать не любят. Русские не чтут войну как-то особо. Они ее даже немного стесняются. Русские бледнеют, когда чувствуют близость войны. Они не жаждут ее. Но... *Русские практически всегда побеждают*. Так или иначе, но побеждают. Даже проигрывая (почти) все битвы, мы умудряемся выигрывать (почти) все войны. В отличие, например, от немцев, у которых все строго наоборот.

Когда войны не избежать, русским ничего не остается, как только ее выигрывать. И они (то есть мы, русские) раз за разом, век за веком делают именно это. Побеждают.

Только поэтому у России между границами на Западе и Востоке лежит половина планеты. И треть планеты между Севером и Югом. Потому что мы – народ, в чьих жилах течет кровь Ангела Победы. Наш секрет в мире. Но мир мы понимаем совершенно правильно: как построенный русскими мягкий и нежный вселенский имперский космос. Построенный – как только и можно – на трупах героев и крови мучеников, но так как мы смотрим на войну глазами Победы, то видим совсем иное: убитый русский солдат в простреленной шинельке с разmozженным черепом – это колыбель родившегося, пришедшего в мир, созданный своим же подвигом, солнечного духа. Русский мученик – это чистый луч небесной радости; *чем кровавей, тем слаще*. Трудная и вселенская русская истина. Но посмотрите на нас и на нашу историю: не это ли мы видим повсюду? Кровь и величие, и снова, снова, снова наши русские земли, вырванные войной из объятий

материи и брошенные в небо. Это небо – тоже русское. Мы воюем и в нем. И ангелы вместе с нами, на нашей стороне. Ангелы русской войны.

Часть 1. Философия войны

Введение. Мода на геополитику

В наше время слово «геополитика» вошло в моду. Его употребляют к месту и не к месту (чаще всего не к месту). Но при этом ни сущность этой науки, ни ее методы не становятся яснее. Когда мы говорим о геополитике, что, собственно, мы имеем в виду?

Геополитика как наука сложилась во второй половине XX века на основе политической географии. Ее основателями считаются швед Рудольф Челлен и англичанин Хэлфорд Макиндер. Смысл этой дисциплины в том, что многие закономерности в развитии государств, народов, культур, цивилизаций и религий в огромной степени предопределяются географическими, пространственными факторами. Иными словами – «география как судьба».

Сделав чисто научное открытие о тесной (и не осознававшейся ранее) связи структуры государства с пространством и ландшафтом, основатели геополитики сразу же перешли к конкретной политической практике, международным отношениям и военной стратегии. Это придало их исследованиям актуальность, и ученые, начавшие развивать новую науку, быстро сделали политическую и дипломатическую карьеру.

Позднее термин «геополитика» был в значительной степени дискредитирован тем, что его узурпировали германские национал-социалисты, хотя не следует забывать и о том, что первыми к этой науке обратились не германские, а шведские, американские и английские авторы.

Выдающийся немецкий геополитик Карл Хаусхофер запятнал себя и отчасти само слово «геополитика» сотрудничеством с Гитлером, но агрессивные милитаристы Третьего рейха использовали в учении Хаусхофера лишь то, что соответствовало их собственным шовинистическим устремлениям, а остальное просто отбрасывали. Так, к примеру, Гитлером была целиком и полностью отвергнута идея Хаусхофера о «евразийском континентальном блоке» по оси Берлин – Москва – Токио. Этот «евразийский блок», по мысли Хаусхофера, должен был стать главным звеном всей немецкой международной практики и военной стратегии. Но вместо геополитического союза с Москвой, продиктованного научными геополитическими соображениями, обоснованными и развитыми Карлом Хаусхофером, гитлеровцы предпочли преступное и самоубийственное для них самих нападение на СССР, пресловутый *Drang nach Osten*.

Марксисты вообще отрицали геополитику как «буржуазную науку», поэтому долгое время, особенно после войны, в СССР она была под запретом.

Лишь постепенно, в постсоветский период, интерес к геополитике стал пробуждаться с новой силой. За короткий

срок геополитика стала чрезвычайно популярной дисциплиной в вопросах стратегического и военного планирования. В США в настоящее время эта наука является общеобязательной во всех высших учебных заведениях, готовящих будущих руководителей для всех западных государств и ответственных аналитиков. Обязательной дисциплиной является геополитика и в высших военных учреждениях развитых стран.

К счастью, эре геополитического невежества в России тоже приходит конец. Появляются все более квалифицированные издания по этой теме. В высших военных заведениях ведутся обязательные курсы по геополитике. Проникает эта дисциплина и в большинство стратегических и аналитических центров Администрации Президента РФ.

Интерес к геополитике неуклонно возрастает, и нет сомнения, что эта увлекательная и крайне эффективная с методологической точки зрения наука в итоге получит в нашем обществе надлежащее признание. Информированность в этой области не замедлит положительно сказаться на всем процессе общественно-политических реформ и, шире, судьбе нашей славной и суверенной державы – великого государства Российского.

Асимметрия

Следует посмотреть на нынешнее положение России по-новому, здраво и объективно. Без обид, эмоций, ностальгии, озлобления. В каком мире мы оказались? Какие угрозы над нами нависли? Какова конфигурация современной карты мира с точки зрения стратегии? Что мы в такой ситуации должны сделать? А что из того, что должны, можем? Как осознается нами самими наше место и как его видят вне России те силы, от которых действительно многое зависит? Мало кто в нашем сегодняшнем обществе способен спокойно и бесстрастно не только ответить на эти вопросы, но хотя бы задать их.

Тезис Запада – однополярный мир

На заре третьего тысячелетия сложился однополярный мир. Его единственным *актуальным* полюсом является Запад – США и их союзники по НАТО с разной степенью интегрированности. Западный однополярный мир имеет отчетливый, ясно различимый идеологический облик: это тоталитарно навязываемая, космополитическая *либерал-капиталистическая модель*. На стратегическом уровне однополярный мир опирается на *военную мощь США*. Это неразделимые вещи: стратегический потенциал США и либерал-ка-

питалистическая система в политике, экономике, социальном аспекте.

Однополярность подтверждается на обоих уровнях – стратегическом и идеологическом. В настоящий момент на земле нет ни одного военного образования, симметрично сопоставимого с военной мощью США, как нет и единой идеологической конструкции, столь же универсальной, распространенной, общепризнанной и общепринятой, как либерал-капиталистическая (иногда с натяжкой называемая «либерал-демократической» – с натяжкой, так как реальной демократии там мало). *Однополярный мир – данность.* Если мы не будем признавать этой данности, любые наши построения останутся вне сферы реальности. Признание свершившегося факта есть стартовая черта любого ответственного размышления о состоянии, в котором находится человечество на первых этапах нового тысячелетия. Эта констатация, однако, сама по себе не несет никакой этической оценки. Утверждение о том, что «нечто» есть, еще не означает, что это «нечто» есть благо.

Однополярный мир – это обобщающий стратегический, геополитический и мировоззренческий тезис – «тезис Запада», имеющий свою генеалогию, свою историю, свои этапы. Однополярный мир возник отнюдь не случайно и не вдруг. Это результат становления тезиса Запада как универсальной категории, победившей исторические цивилизационные альтернативы. Тезис Запада воплотился в однополяр-

ный мир через процесс преодоления всевозможных исторических альтернатив, которые на разных этапах выступали то как традиционные общества, то как националистические режимы, то как социалистические системы.

До самого последнего времени у тезиса Запада существовала формальная альтернатива, как на стратегическом, так и на мировоззренческом уровнях. Противоречивые планетарные интересы великих держав в первой половине XX века, двухполярный мир (социалистический Восток – капиталистический Запад) во второй половине XX века – выстраивались в системы противовесов и противостояний, готовых в любой момент вылиться в прямой мировой конфликт с неопределенным исходом, так как силовой потенциал различных полюсов был в целом сопоставимым.

Однополярный мир есть такая реальность, где превосходство тезиса Запада над возможными альтернативными моделями развития цивилизации становится закреплённым и очевидным. Это означает де-факто установление стратегической и идеологической гегемонии со стороны США. Осознание выразилось в новом стратегическом термине: гипердержава. Великих держав (до конца Второй мировой войны) существовало несколько, сверхдержав – только две, а гипердержава – одна.

Такое положение вещей закреплёно документально в основополагающих документах американской политики, что впервые было озвучено в докладе бывшего президента США

Билла Клинтона «Стратегические перспективы США в XXI веке». На тот момент еще президент США Клинтон справедливо утверждает, что США на момент его президентства (и в их лице – весь цивилизационный тезис Запада) справились со всеми формальными противниками, со всеми симметричными угрозами и традиционными преградами и вызовами. «Новый мировой порядок» установился, все препятствия для его глобализации сняты. И здесь начинается самое интересное: в этом документе президент США говорит, что отныне основные виды угроз такому устройству мира могут проистекать из «новых вызовов», которые заведомо будут асимметричными. Отныне любая стратегическая или идеологическая альтернатива «новому мировому порядку» будет диспропорциональна сложившейся планетарной системе. Это не формальное противостояние двух или нескольких сопоставимых планетарных организаций, но более сложные процессы, когда однозначное и неоспоримое лидерство «тезиса Запада» будет иметь дело с непредсказуемой, пока далеко не очевидной, трудно схватываемой реальностью. Условно в данном документе и на современном политологическом языке она называется «асимметрией», или «новым вызовом».

Еще один приблизительный термин для обозначения этой потенциальной реальности – Евразия.

Однополярность со знаком плюс или минус?

Выше мы отметили, что признание факта однополярности не означает признания его правомочности, положительного содержания, позитивности. Человеческая свобода позволяет нам интерпретировать любой факт в дуальной (как минимум) системе этики. Если мы оцениваем его как добро, мы поддерживаем его фактичность силой нашего морального согласия. Но мы можем признать этот вполне реально существующий факт и злом, несправедливостью, негативным явлением. Тогда – не отрицая его наличия – мы будем искать способы, как его искоренить, исправить, преобразить или уничтожить. В этой этической свободе от диктатуры наличного бытия проявляется высшее достоинство человеческого существа.

Однополярный мир – факт. Но для огромного сектора современного человечества – это факт целиком и полностью негативный, трагический, отрицательный. И если формальной альтернативы такому миру сегодня нет, это еще отнюдь не означает, что ее не может или не должно быть. В земном мире не может существовать какого-то абсолютного единства, и любой тезис, каким бы глобальным и универсальным он ни был, может и должен столкнуться с антитезисом. Для нас же самое важное – это ясно понять: альтернатива

однополярному миру, антитезис в отношении «тезиса Запада», ставшего глобальным и претендующего на универсальность, отныне и на определенный срок переместились из области формальной и симметричной в область неформальную и асимметричную, в область «нового», «неочевидного», еще только долженствующего обрести ясно различимые черты.

Антитезис однополярности лежит в сфере асимметрии. И это точно такой же неоспоримый факт, как факт превращения США в гипердержаву. Ответственный поиск альтернативы однополярности должен лежать в новых стратегически-идеологических областях. Это не значит, что предыдущие альтернативы «тезису Запада» полностью утрачивают свое значение. Нет, они сохраняют его, но в снятом виде, в новом контекстуальном пространстве, с необходимой коррекцией. Самое главное, что в пространстве асимметрии прежние альтернативы складываются в новую комбинацию, и часто периферийные элементы выступают вперед, а то, что казалось магистральным, напротив, отходит на задний план.

Многополярность

Концепция многополярности, заложенная в такие серьезные стратегические документы нынешней России, как «Концепция национальной безопасности», имеет в общепланетарном контексте вполне революционное содержание. Первое и главное значение тезиса многополярности – отрица-

ние сложившейся однополярности, признание ее негативным цивилизационным явлением. Несмотря на видимую расплывчатость и налет отвлеченной гуманитарности, это очень суровый и серьезный тезис, особенно если осознать стратегический контекст и значение документа, где он фигурирует. Это, кстати, ясно осознают американские стратегические центры и их российские инсайдеры, проводники американской однополярной идеи.

Многополярность есть одна из версий противопоставления однополярному миру асимметричной конструкции, где роль второго уравнивающего полюса призвана играть не какая-то отдельная сверхдержава, но стратегический блок разнородных (политически, культурно, расово и цивилизационно) геополитических образований. Например, альянс России, Китая, Индии и Ирана.

Иная модель многополярности предполагает дробление натовского стратегического пространства, вывод Европы и Тихоокеанского региона из-под прямого американского контроля. Эти две версии могут рассматриваться параллельно.

В любом случае – и в самом умеренном, и в самом жестком – тезис многополярности имеет ярко выраженный антиамериканский подтекст. Его основная направленность заключается в стремлении на новом уровне и на новом этапе сформулировать стратегическую и концептуальную альтернативу однополярности и «новому мировому порядку». Причем в основе всех версий многополярности лежит идея

асимметричности. Речь идет не о создании прямого и открыто симметричного второго полюса, но о стремлении самыми разными путями оттенить или ограничить сложившуюся однопolarity, не входя с ней в прямое противостояние, которое, помимо всего прочего, еще и невозможно.

Россия как ядро потенциальной альтернативы

Какой бы ни была возможная асимметричная альтернатива однополюсному миру, Россия по геополитическим, культурным, историческим и, главное, стратегическим соображениям должна стать не просто ее участником, но ее ядром. Это соображение почти не зависит от субъективного настроения ее политических руководителей – даже самые «прозападные» правители России логикой геополитических процессов будут вынуждены двигаться только в одном направлении. Это прекрасно понимают американские стратеги – такие как Збигнев Бжезинский, утверждающий, что залогом укрепления американской доминанции является не просто ослабленная, но расчлененная Россия, не способная ни при каких обстоятельствах сплотить вокруг себя другие державы. По этой причине Евразия, как потенциальный плацдарм для организации грядущей альтернативы американской глобальной доминанции, лежит в центре интересов американской стратегии. Бывшие советологические центры вре-

мен холодной войны сегодня переименовываются в центры евразийских исследований. Потому как Евразия и есть общее название для всей совокупности «новых вызовов» Соединенным Штатам на стратегическом уровне, ядро и полюс вероятной асимметрии.

Параллельно этому евразийство (или, в некоторых редакциях, неоевразийство) выступает как мировоззренческий, идеологический коррелят стратегического фактора, претендует на роль «философии многополярности».

Различные аспекты асимметрии

Россия сегодня находится в уникальном положении: фактическая деполитизация власти открывает необозримые возможности для самой рискованной и дерзкой геополитической игры. Ирак, Китай, Германия, Япония, Франция, Италия, Индия, Туркмения, Белоруссия, Сербия, Израиль – любые геополитические партнеры сегодня возможны в том или ином конкретном случае. Геополитика асимметрии, неожиданное выстраивание самых причудливых комбинаций для выхода на реальные горизонты многополярности сегодня не сдерживается со стороны Кремля никакими идеологическими, конфессиональными, политическими или социальными критериями.

Простое выстраивание той или иной геополитической конфигурации уже само по себе может стать неотразимым

вызовом однополярности. Недостающие компоненты для формального симметричного паритета могут быть извлечены из сложной и многоплановой геополитической комбинарики.

В арсенале потенциальной многополярности есть разнообразные средства. Во-первых, это сохранение в России достаточного ядерного потенциала, способного в крайнем случае остановить любые попытки США силой навязать свою волю России или нашим основным стратегическим партнерам по многополярности, а таковыми потенциально являются не только Китай, Индия и Иран, но сама Европа и Тихоокеанский регион, в частности Япония. Стратегический потенциал России – это на некоторое время силовая ось многополярности, а значит, важнейший фактор безопасности для народов и стран всего мира. Относительная, асимметричная, урезанная, но гарантия соблюдения хотя бы минимального паритета. Не случайно США всегда были так озабочены уничтожением остатков нашего ракетно-ядерного потенциала. Активная асимметрия предполагает, что мы сохраним его как можно дольше.

Наконец, не следует забывать о новейших российских военных разработках. Современная структура мира в постиндустриальном информационном пространстве становится весьма уязвимой. Поэтому разработка новых видов вооружений – при правильной конфигурации инновационного процесса – может переместиться в самом ближайшем буду-

щем от массивных технологий, требующих гигантских экономических и индустриальных ресурсов, к точечным высокотехнологическим модулям, разработка которых требует не столько капитальных вложений, сколько творческой гибкости и авангардного подхода. И эта сторона стратегической асимметрии должна развиваться у нас приоритетно.

Евразийство: асимметричная философия

Важнейшим компонентом многополярности на мировоззренческом уровне является поиск доктрины асимметрии. Речь идет о своего рода «философии многополярности». Как и в случае со стратегическими аспектами, ядром такой философии может выступать только Россия. Однако очевидно, что ни возврат к советской социалистической идеологии, ни тем более узконациональная модель России как регионального, национального государства не могут соответствовать поставленной задаче, так как ни то, ни другое не обладает должным уровнем универсальности, требующимся на новом этапе. «Философия многополярности» или «идеология асимметрии» могут сложиться только по совершенно новым концептуальным выкройкам, на основании особой исторической рефлексии, которая должна быть по определению авангардной, оригинальной. Скорее всего, не какое-то одно догматическое направление, противоположенное «тези-

су Запада», может претендовать на эту роль, а целый спектр традиционных или новаторских доктрин, позиций, идеологий, синтезированных в общем русле, но в равной степени отрицающих (по самым разным причинам) идеологическую надстройку нового мирового порядка. Уже сейчас можно предвидеть, что в этой потенциальной «философии асимметрии» могут быть задействованы как мягкие социал-демократические формы, так и национальные учения, как прагматические и светские элементы, так и интегрирующие факторы конфессионального и этнического характера, как стратегические интересы, так и соображения практического уровня. Общим знаменателем такой «идеологии многополярности» должно стать полное отрицание крайнего либерал-капиталистического догматизма, сопряженного с «новым мировым порядком», отрицание American way of life.

Возможным критикам построения новой идеологии по признаку общего отрицания сразу можно указать на небывалое значение, которое либерал-капитализм как общая надстройка однополярности приобрел в нашей исключительной исторической ситуации. Когда у либерал-капитализма (тезиса Запада) существовали формальные альтернативы, общего отрицания было явно недостаточно, так как противоречия имелись и между самими этими догматическими альтернативами, обладавшими всеми основными признаками геополитического суверенитета. Сегодня же ситуация радикально изменилась, и «тезис Запада» является безальтернативным с

точки зрения его геополитической поддержки. Сегодня только либерал-капиталистическая идеология опирается на реальную базу актуального стратегического суверенитета – на США. Поэтому любые альтернативные мировоззренческие проекты по объективной логике смещены на противоположный полюс.

Этот полюс можно рассматривать двояко: либо как «свалку идеологий», отыгравших свое (и это верно, если рассматривать судьбу этих идеологий с точки зрения их исторических претензий на универсализм и финальный триумф), либо как хаотическую закваску новой, еще не родившейся «философии асимметрии» (и это тоже верно, если учесть сущностную, а не формальную сторону этих идеологий – отрицательная, анти-либерал-капиталистическая сторона их признается верной и важной, внешнее же оформление данного импульса рассматривается как нечто спорное и второстепенное).

Синонимом такой «философии асимметрии» или «идеологии многополярности» является новый вариант евразийства – неоевразийство. Неоевразийство есть динамично развивающийся, еще не законченный продукт универсализации, глобализации идей, подходов и методов, которые в зародышевом, интуитивном состоянии были намечены исторической школой евразийцев 20–30-х годов.

Карл Шмитт: пять уроков для России

Знаменитый немецкий юрист Карл Шмитт считается классиком современного права. Некоторые называют его «современным Макиавелли» за то, что в его анализе политической реальности отсутствует сентиментальное морализаторство и гуманистическая риторика. Карл Шмитт считал, что в определении правовых проблем в первую очередь важно дать ясную и реалистичную картину политических и социальных процессов, отказавшись от утопий и благопожеланий, а также от априорных императивов и догм. Сегодня научное и юридическое наследие Карла Шмитта является необходимым элементом юридического образования в западных университетах. Для России же его творчество представляет особое значение, так как Шмитта особенно интересовали критические ситуации в политической жизни современности. Его анализ права и политического контекста права, без сомнения, поможет нам яснее и глубже понять, что происходит в нашем обществе, что происходит в России.

Урок 1: Политика, политика превыше всего

Главным принципом философии права Карла Шмитта была идея о безусловном главенстве политических принци-

пов над всеми критериями общественного существования. Именно политика организовывала и предопределяла стратегию внутреннего и внешнего бытия общества. Все большее усиление давления экономических факторов в современном мире Карл Шмитт объяснял следующим образом: *«Тот факт, что сегодня экономические противоречия становятся противоречиями политическими... свидетельствует лишь о том, что, как и всякий другой вид человеческой деятельности, экономика может пойти по пути, который неизбежно приводит к политическому выражению»*¹.

Смысл такого утверждения, подкрепленного у Шмитта солидной исторической и социологической аргументацией, сводится в конечном счете к тому, что можно определить как теорию «коллективного исторического идеализма», где в качестве субъекта выступает не индивидуум, экономические законы, развивающееся вещество и т. д., а конкретный, исторически определяемый, социально единый народ, сохраняющий сквозь разные формы и стадии своего экономико-социального существования качественное единство, духовную непрерывность традиции и органическую особость воли, динамической, но наделенной своим собственным законом. Сфера политики, в понимании Шмитта, становится воплощением воли народа, выражающейся в самых различных формах, которые относятся к юридическому, экономическому и социально-политическому уровням.

¹ Шмитт К. Понятие Политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1.

Такое определение политики идет вразрез с механистическими универсалистскими моделями структуры общества, которые преобладали в западной юриспруденции и философии права начиная с эпохи Просвещения. У Шмитта сфера политики связывается напрямую с двумя факторами, которые механицистские доктрины склонны были игнорировать: с конкретикой исторического народа, наделенного особой качественной волей, и с исторической спецификой того или иного общества или государства, традиции и прошлое которого, по мнению Шмитта, концентрируются в его политическом проявлении. Шмитт, таким образом, утверждая примат политики, вводил в философию права и в политологию качественные, органические характеристики, заведомо не укладывающиеся в одномерные схемы «прогрессистов» — как либерально-капиталистического, так и марксистско-социалистического толка.

Теории Шмитта рассматривали политику как явление «укорененное», «почвенное», *«органическое»*.

Такое понимание политики необходимо России и русскому народу для того, чтобы адекватно распорядиться своей судьбой и не стать заложником антинациональной, редуционистской идеологии, игнорирующей волю народа, его прошлое, его качественное единство и духовный смысл его исторического пути.

Урок 2: Пусть всегда будут враги, пусть всегда будут друзья

Карл Шмитт в книге «Понятие политического» высказал чрезвычайно важную мысль: «Народ существует политически только в том случае, если он образует независимую политическую общность и если он при этом противопоставляет себя другим политическим общностям как раз во имя сохранения собственного понимания своей специфической общности». Хотя эта точка зрения полностью расходится с гуманистической демагогией, характерной как для марксизма, так и для либерально-демократических концепций, вся мировая история, и в том числе действительная (а не прокламируемая) история марксистских и либерально-демократических государств, показывает, что именно так дело обстоит на практике. Хотя утопическое, постпросвещенческое сознание и не способно этот факт признать. В реальности политическое разделение на «наших» и «не наших» существует во всех политических режимах и у всех народов. Без этого разграничения ни одно государство, ни один народ, ни одна нация не смогли бы сохранить своего особенного лица, не смогли бы иметь своего собственного пути, своей собственной истории.

Трезво анализируя демагогическое утверждение об антигуманности, нечеловечности деления на «наших» и «не на-

ших», Карл Шмитт замечает: *«если некто начинает выступать от имени всего человечества, от лица абстрактной гуманности, это означает на практике, что этот некто высказывает таким образом чудовищную претензию на то, что он лишает всех своих возможных оппонентов человеческого качества вообще, объявляет их вне человечества и вне закона и потенциально предполагает войну, доведенную до самых страшных и бесчеловечных пределов»*. Поразительно, что эти строки написаны в 1934 году, задолго до ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Кроме того, о жертвах ГУЛАГа тогда тоже еще не было известно на Западе. Таким образом, к самым страшным последствиям приводит не реалистическое признание качественной специфики политического существования народа, которая всегда предполагает деление на «наших» и «не наших», а стремление к насильной универсализации, к втискиванию наций и государств в клетки утопических концепций «единого и однородного человечества», лишённого всяких органических и исторических различий.

Отправляясь от этих предпосылок, Карл Шмитт развил теорию «тотальной войны» и «ограниченной войны», так называемой «войны форм». Тотальная война является следствием универсалистской утопической идеологии, отрицающей естественные культурные, исторические, государственные и национальные различия народов. Такая война чревата уничтожением человечества. Экстремистский гуманизм

– прямой путь к такой войне, считает Карл Шмитт. Тотальная война предполагает участие в конфликте не только военных, но и мирного населения. Это – самое страшное зло. «Война форм» неизбежна, так как различия между народами и их культурами неистребимы. Но «война форм» предполагает участие в ней только профессиональных военных и может регулироваться определенными юридическими правилами, которые некогда в Европе носили название *Jus Publicum Europeum* (Европейский общественный закон). «Война форм» – наименьшее зло. Теоретическое признание ее неизбежности заранее предохраняет народы от «тотализации» конфликта и от «тотальной войны». Здесь уместно привести знаменитый парадокс из «Бесов» Достоевского. Там Шигалев говорит: *«Исхожу из абсолютной свободы и прихожу к абсолютному рабству»*. Перефразируя эту истину применительно к идеям Карла Шмитта, можно сказать, что сторонники радикального гуманизма «исходят из тотального мира и приходят к тотальной войне».

И последний важный момент в определении «наших» и «не наших», «врагов» и «друзей». Шмитт считает, что фундаментальность этой пары для политического бытия нации ценна также и тем, что в этом выборе решается глубинная экзистенциальная проблема. Жюльен Фройнд, ученик и последователь Карла Шмитта, так сформулировал этот тезис: *«Пара „враг“ – „друг“ дает политике экзистенциальное измерение, так как, предполагая теоретически возможность*

войны, выбор в рамках этой пары ставит проблему жизни и смерти». Юрист и политик, рассуждающие в категориях «враг» – «друг», ясно осознающие смысл этого выбора, оперируют экзистенциальными категориями, что придает их решениям, поступкам и заявлениям качество реальности, ответственности и серьезности, которых лишены все утопические гуманистические абстракции, превращающие драму жизни и смерти в войне в одномерную химерическую декорацию. Страшной иллюстрацией этого было освещение западными средствами массовой информации иракского конфликта и бомбежек Сербии – американцы следили за гибелью иракских и сербских женщин, детей и стариков по телевизору, будто наблюдая за компьютерными «звездными войнами». Идеи нового мирового порядка, основы которого были заложены в этих конфликтах, являются высшим проявлением лишения страшных и драматических событий всякого экзистенциального содержания.

Пара «враг» – «друг», являющаяся и внешне, и внутренне политической необходимостью для существования политически полноценного общества, должна быть холодно принята и осознана. В противном случае «врагами» станут все, а «друзьями» – никто. Это политический императив истории.

Урок 3: Политика «исключительных обстоятельств» и решение

Одной из самых блестящих сторон концепции Карла Шмитта является принцип «исключительных обстоятельств» (по-немецки «*Emstfall*»), возведенный в ранг политико-юридической категории. Согласно Шмитту, юридические нормы описывают только нормальную политико-социальную реальность, протекающую равномерно и непрерывно. Только к такой сугубо нормальной ситуации применимо в полной мере понятие «права», как его понимают юристы. Существуют, конечно, регламентации «чрезвычайного положения», но эти регламентации определяются чаще всего исходя из критериев нормальной политической ситуации. Классическая юриспруденция тяготеет, по мнению Шмитта, к абсолютизации критериев нормальной ситуации, к рассмотрению истории общества как одномерного юридически конституируемого процесса. Наиболее полным выражением такой точки зрения является «Чистая теория права» Кельзена. Однако за этой абсолютизацией концепции «правового подхода», «правового государства» Карл Шмитт видит тот же утопический механицизм и наивный универсализм, идущие от Просвещения с его рационалистическими мифами. За абсолютизацией права скрывается попытка «закрыть историю», лишить ее творческого, страстного измерения, ее

политического содержания, ее народности. На основании такого анализа Карл Шмитт выдвигает особую теорию – теорию «исключительных обстоятельств», «Ernstfall».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.